

Наставники, учителя стригольников были образованными людьми — „книжниками“, как это постоянно подчеркивают даже их враги. Они являлись знатоками христианской литературы — той основы, на которой строилось все здание образованности феодального мира: „... изучисте словеса книжная, яже суть сладка слышати хрестьяном“, пишет о них Стефан Пермский. Однако стригольники признавали гораздо более узкий круг христианской литературы, нежели православная церковь. По-видимому, для них не являлись авторитетными писания отцов церкви.¹

Для стригольничества, как и для многих других еретических направлений, характерно почитание евангелия, о чем неоднократно упоминает Стефан Пермский. Но это почитание у стригольников носило совершенно иной характер, чем то почитание книжное, которое проповедывалось православной церковью. Церковь требовала слепого, без всяких рассуждений, подчинения авторитету священного писания: „Всяк бо, почитаа книжная писания без смирения и кротости, ища кого укорити чим, и тем впадает в ересь“,² — заявляет представитель ортодоксальной точки зрения Стефан Пермский. Стригольники же, почитая евангелие, пылливо вдумывались в его содержание, использовали имеющиеся в нем основания для обоснования своего учения и критики православной церкви; недаром Стефан Пермский обращается к стригольникам с упреком: „Не того деа дал Христо еуангелие в мир, чтобы почитая его, смотрити того слова, чим бы кого укорити“.³

Элементы рационалистичности явственно сказываются в отрицании стригольниками такого важного таинства православной церкви, как таинство причащения. Мотивы отрицания этого таинства могли быть двойкие: во-первых, вследствие того, что оно совершалось духовными лицами, ведущими недостойный образ жизни; во-вторых, из-за принципиальных соображений в силу непризнания за ним того значения, которое приписывала ему церковь. Само собой разумеется, что отрицание второго порядка было бы гораздо более глубоким. Не оспаривая того, что стригольники, выступая против таинства причастия, в качестве одного из аргументов указывали на то, что оно совершается недостойным духовенством,⁴ мы считаем, что в основе непризнания стригольниками этого таинства лежали соображения принципиального порядка, иначе Стефану незачем было бы обосновывать глубокий смысл и необходимость причастия (независимо от вопроса о том, кто его совершает — достойное или недостойное духовенство). Стефан Пермский пишет: „Сам бо Христо рече: «небо и земля мимо идут, а словеса мои не мимо идути. Ядый плоть мою во мне пребывает, и аз в нем; аще не снете плоти сына человеческого и не пьете крови его, живота не имате в себе»“. И вслед за этим, как бы подчеркивая принципиальное

¹ Сделать это предположение позволяет то обстоятельство, что стригольники отвергали некоторые содержащиеся в писаниях отцов церкви важные с ортодоксальной точки зрения положения, например положение о необходимости зауспокойных молитв, которое обосновывается у Иоанна Златоуста, в Прологе. Что касается псковских стригольников XV века, то в „Послании“ Фотия от 23 сентября 1427 г. мы находим прямое указание на то, что они „преданей апостольских и отечьских не верующе“ (см. стр. 115).

² РИБ, VI, № 25, стр. 227.

³ Там же, стр. 221.

⁴ Об этом нам позволяет судить следующее место из „Почуения“ Стефана Пермского против стригольников: „Егда священник службу служить, тогда имети его, яко Христа, в Сионе с ученики вечеряша, и тако достойно причастися от руки его, яко от руки Христовы, а не разсужая и не распытывая о ерен божи, аще достоин, или ни“ (РИБ, VI, № 25, стр. 216).